

Олег Сабанов

Доброе сердце короля

12+

Олег Александрович Сабанов

Доброе сердце короля

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67686992

SelfPub; 2022

Аннотация

Сказка о трудной доле короля с большим добрым сердцем, которого судьба поставила перед сложным выбором.

Олег Сабанов

Доброе сердце короля

Королевство Семи Озер издревле славилось искусными мастерами, самобытными традициями, ярмарочными гуляниями, а главное – духом единства всех его жителей и их благоговейным почтением к трону. Седовласые жрецы Богов и Богинь плодородия, мудрости, силы, удачи всеми силами способствовали поддержанию этой благодатной атмосферы, истолковывая подрастающему поколению глубинный смысл ниспосланных высшими силами заповедей. Однако с определенных пор гармоничную идиллию общественной жизни будто поразил неизвестный вирус, медленно, но верно подрывающий взаимное доверие между людьми и сеющий сомнения в эффективности монаршего руководства. Крестьяне завидовали друг другу, все чаще подозревая соседа в воровстве, заклятье, дурном глазе, ставших причиной неурожая и падежа скота, Ремесленники, сапожники и портные на чем свет стоит костерили купцов за дороговизну привозимого материала, а те в свою очередь ополчились на капитанов торговых судов со сборщиками податей, вменяя им в вину собственное бедственное положение. Даже воины королевской гвардии – гордость страны, образец подражания для мальчишек, о рыцарских подвигах которых поэты слагали гимны, погрязли в кутежах с азартными играми и дуэлями.

Обессиленный после охоты на вепря самодержец Ларнар грузно восседал в резном кресле, изредка прикладываясь к серебряному кубку с молодым бодрящим вином. В расши- том золотом светлом платье его крупные очертания казались безразмерными, лишь аккуратная бородка с усами придава- ли приятному мясистому лицу недостающую остальному те- лу мужественность. Чуть поодаль от монарха на высоком ду- бовом стуле притаился личный советник властителя – суту- лый высохший мужчина неопределенного возраста в узком черном котарди, которого многие при дворе откровенно по- баивались. Против обыкновения в полумраке зала с узкими окнами не было ни виртуозного лютниста, ни надоедливого шута, которые в меру своих талантов скрашивали вечернее уединение Ларнара.

– Я позвал вас, мессер Кресс, не для того, чтобы вдвоем наслаждаться тишиной, – лениво произнес густым низким голосом король, ощущая волну сладкой истомы в уставшем теле. – Хотелось бы услышать ваши соображения по поводу сообщений моих осведомителей о разброде и шатаниях сре- ди благословенных подданных короны.

Советник оживился, заерзал на стуле и, хрустнув костяш- ками пальцев, вкрадчиво заговорил.

– Ваше величество! Только благодаря вашему гению и прозорливости Королевство Семи Озер переживает золотой век мира и благоденствия. Люди сыты, одеты, расслаблены, – он на секунду умолк, выдерживая многозначительную пау-

зу. – Но, как известно, хорошего должно быть в меру. Неразумно только баловать детей, оберегая их от знакомства с жестоким миром.

– Оставьте свои иносказания, Кресс! – раздраженно прервал его Ларнар. – У меня хватает для этого придворных стихотворцев! Просто изложите свои соображения понятным языком!

– Я хотел донести до вас, мой многомудрый и милостивый повелитель, необходимость напомнить жителям государства об их священном долге – о том, что каждый из них является верным солдатом короля. Поверьте, как только вашим подданным будет поставлена военная задача и в их руках окажется оружие, междоусобные распри с крамольными мыслями уступят место боевому братству, самопожертвованию и ратным подвигам, которые восславятся в веках.

– Но если вы заметили, глубокоуважаемый мессер Кресс, я не веду ни одной войны, ибо для них отсутствуют весомые причины. С вождем варварских племен Диких Земель у нас дружба после того, как посланные мною в ордынскую столицу лекари вытащили с того света его младшего сына, а вдова усопшего Люциана II королева Флоя самолично подписала пакт о тысячелетнем мире между ее многострадальным Королевством Красных Башен и нашим государством.

– Мой государь, ни для кого не секрет, что соседние самодержцы лишь прикрывают этими соглашениями свои враждебные намерения и поступки, зная ваше добросердечие и

злоупотребляя безграничным миролюбием властителя Королевства Семи Озер. Вожак варваров прекрасно осведомлен о том, что его дикари на границе уводят наши табуны и негласно поощряет возмутительное конокрадство. А королева Флоя, отравившая по моим источникам своего мужа Люциана II, не так давно надоумила младшую дочь Перею опотить и соблазнить Его Высочество принца Эоггея с целью его очернения и последующего шантажа. Слава Богам – наш любимый наследник престола оказался образцом порядочности и целомудрия.

– Целомудрие, воздержание и мой сын вещи несовместимые! – громогласно захохотал Ларнар, брызжа розовой слюной вперемешку с вином на свое светлое платье.

– Однако изложенные мною факты от этого никак не меняются. Считаю своим долгом напомнить о планах вашего великого отца расширить границы нашего королевства за счет спорных приграничных земель и поставить тем самым на место зарвавшихся соседей. Освобожденные из-под гнета диких орд и карателей самодурствующей Флои местные племена почтут за счастье влиться в нашу дружную семью на правах младших братьев. И сегодня самое время осуществить задуманное ушедшим в обитель Богов вашим приснопамятным предшественником.

Выслушав советника, король притих и на некоторое время замер в кресле с кубком в руке, словно взялся позировать невидимому портретисту. На его раскрасневшееся лицо

легла тень задумчивости, а высокий лоб прорезали морщины. Монарху вспомнились картины прошедшей в военных походах юности. Они имели мало общего с захватывающими дух батальными полотнами именитых живописцев. Распластавшиеся тут и там окровавленные тела, страшные стоны раненых, вспоротые животы, намотанные на клинок кишки неприятеля и зарево пожара, жадно пожирающее возведенные трудолюбием человека строения. После победного возвращения в родимый край он готов был дать обет, что, став королем приложит все силы и использует самую призрачную возможность для сохранения мира с соседними государствами, лишь бы не ввергать свой народ в очередную кровавую бойню. Однако в суеде торжественных парадов, награждений и пиров, обещание так и не было дано, а вскоре забылось совсем, и лишь редкие кошмарные сновидения возвращали его на поле брани.

– Насколько мне известно, Кресс, вы старая тыловая крыса и ваша рука никогда не ведала тяжесть боевого меча. Та дамская рапира, с которой вы появляетесь в дни празднеств, хороша лишь для поджарки кусочков постной телятины на огне, – Ларнар бросил пронзительный взгляд в сторону темной фигуры советника, напоминавшую ворону на пне. – Я не хочу вас как-то задеть или унижить, но всерьез говорить о войне, тем более призывать к ней может только тот, кому не довелось хлебнуть полную чашу ее горестей, бед, тягот и испытаний.

– Вы как всегда правы, мой мудрый король! – с придыханием отозвался Кресс. – И все же я взываю к гению вашего величества, мужественно прошедшему сквозь горнила сражений, с просьбой издать высочайший указ о победоносном походе, который взбодрит наш народ, укрепит неразрывные связи и вознесет авторитет короны на подобающую ей высоту! Поверьте мне, мой милостивый повелитель, я размышлял дни и ночи напролет, но другого выхода из сложившейся в государстве ситуации не отыскал.

Монарх прикрыл глаза и вновь взял паузу, переваривая сказанное советником. И хотя румяное лицо оставалось бесстрастным, со стороны было заметно, как внутри него клокотал шквал мыслей, эмоций и чувств. В багряных лучах заката белое платье казалось алым, а униженные перстнями толстые пальцы горели червонным золотом.

– Я понимаю необходимость решительных мер, но одна мысль о множестве погибших в расцвете лет мужчин сводит меня с ума и парализует волю к действию, – сказал, наконец, Ларнар потухшим голосом. – Я боюсь оказаться в роли того, кто пошлет их на смерть и отнимет счастье быть сыном, братом, мужем, отцом.

– Осмелюсь возразить, ваше величество! – блеснул глазами Кресс. – Вы подарите им истинное счастье стать воином великой армии и вознестись в блеске вечной славы к Богам! В сравнении с такой завидной долей их нынешнее существование унылый и по большей части бессмысленный путь к мо-

гильной яме. Они в любом случае умрут в схватке со старостью или болезнями, так пусть же лучше их смерть принесет благо короне, отечеству и им самим!

Осушив залпом кубок, король махнул рукой, дав знать советнику, что он может идти. Оставшись наедине с тишиной в большом зале, король погрузился в тяжелые думы. Догорающий вечер озарял волшебным светом развешанные по стенам картины героических предков Ларнара, которые пристально взирали на своего потомка с потемневших от времени холстов.

Утром в королевский замок прискакал наследник престола принц Эоггей со своим новым другом бароном Грюфаром. Их объединяли любовь к крепким винам, юным простолюдинкам, а так же жаркие споры по самым разным вопросам. Ларнар завтракал на утопающем в зелени балконе одной из башен.

– Я велел явиться тебе одному, а барон пусть отправляется в свои владения и приводит в порядок дела, пока у него еще есть на это время. Возможно, вскоре ему придется сменить удобный бархатный кафтан на натирающие промежуток жесткие доспехи, – раздраженно бросил король при виде опустившихся на одно колено и почтено склонивших голову визитеров.

– Не гневайся, отец! – воскликнул в Эоггей. – Я приказал барону Грюфару сопровождать меня до замка, поскольку нашел в нем верного друга и преданного стража, а он, в свою

очередь, несказанно обрадовался возможности засвидетельствовать свое почтение королю.

Добродушный монарх сокрушенно вздохнул, показывая всем своим видом бессилие перед прихотями сына, а когда гости расположились в обитых красным бархатом креслах, поведал как на духу подробности вчерашнего разговора с Крессом.

– Помню его. Он был в свите, когда мы посещали побережье Моря Парусов. Мутный тип, – сказал принц, внимательно выслушав отца. – Проще заколоть его самого, чем по советам безумца отправить на смерть лучших мужчин королевства, которые в отличие от таких вот придворных болтунов приносят пользу государству.

– Но доля истины в его словах все же есть, – перебил наследника король.

– Только не для тех, кому придется умереть ради сомнительных умозаключений. Ведь реальная угроза королевству со стороны внешних врагов отсутствует благодаря нашему мудрому властителю. А самое дорогое, что есть у твоих подданных – это данная Богами жизнь со всеми ее радостями и печальями. Уж я-то знаю, поверь. И вряд ли найдется много желающих раньше времени вернуть ее обратно или обменять на посмертную славу.

Повисшую после сказанного Эоггеем тишину нарушали доносящиеся издалека звуки рога и жалобный крик заблудившихся в утреннем тумане птиц. Отодвинув от себя ши-

рокую тарелку с окороком и сыром, Ларнар промокнул лоснящиеся губы салфеткой из дамаста и, взяв в руки яшмовую чашу, украшенную драгоценными камнями, обратился к Грюфару:

– Мой сын прав?

– Вне всяких сомнений, ваше величество, если речь идет о простолюдинах, – поднявшись с кресла, отчеканил барон. – Но для нас, дворян благородных кровей, нет более высокой чести, чем встать под знамена отечества и если потребуется пасть за своего короля!

Еле сдерживаясь от смеха, монарх небрежно махнул пару раз ладонью, предлагая Грюфару сесть на место.

Ну, раз такое дело, мне можно спать спокойно, – тихо пошутил он. – Жаль только, что мои дворяне разучились держать меч в руках и вряд ли способны отличить арбалет от лука, – властитель погладил бородку, прочистил кашлем горло и громко отхлебнул из чаши свое утреннее вино. – Но, если отбросить пафос и посмотреть правде в глаза, может ли военная кампания оздоровить атмосферу в королевстве? Как думаете, барон?

Доверительный тон, врожденное обаяние и добродушная улыбка монарха развеяли первоначальное замешательство Грюфара, и он без обиняков решил поделиться своими соображениями.

– Думаю, временно оздоровить может. Но при условии быстрой, я бы сказал молниеносной победы. Затяжная же

кампания с незначительными тактическими успехами лишь усилит народное брожение и в целом усугубит ситуацию.

– Не обольщайся, Грюфар и прекрати вводить в заблуждение его высочество! – вмешался наследник престола, – Приращение новыми землями не решит внутренних проблем, а лишь отвлечет от них внимание. Такая победа будет хуже поражения, ибо загонит болезнь вглубь!

Барон пытался возражать Эоггею, но тот с жаром приводил новые аргументы в свою пользу. Между ними быстро завязался спор, а когда он стал больше походить на перепалку, король громким хлопком в ладоши заставил обоих умолкнуть и указательным пальцем правой руки властно указал на дверь. Зная, что возражать монарху себе дороже, неразлучные спорщики смиренно поклонились и без лишних слов избавили его величество от своего общества.

К разочарованию короля, наследник престола не смог склонить его к определенному решению и разрешить смутные сомнения. Скорее наоборот. Спор принца с бароном Грюфаром окончательно запутал венценосную особу, хотя еще с утра доводы Кресса казались весомыми и лишь нуждались в чем-либо подтверждении.

День прошел в мучительных и пустых размышлениях. Глубокой ночью, когда Ларнар уже оставил бесплодные попытки забыться сном, его супруга Эстер, возлежавшая с ним на огромном ложе и, как казалось, крепко спавшая, неожиданно сказала своим певучим голосом:

– Перестань изводить себя. Подорвать здоровье немудрено, а ты нужен мне и всему королевству полным сил.

– Что поделаешь, нелегка монаршая доля, – отозвался Ларнар. – Приходится изредка отвлекаться от охоты и пиршеств.

Он прожил с супругой душа в душу тридцать лет и прекрасно знал, что скрыть свои чувства от нее невозможно.

– Ты сделал для процветания государства больше, чем все предшественники, – продолжила Эстер, положив голову супругу на плечо. При монархе Ларнаре Королевство Семи Озер без преувеличения вступило в золотой век своего существования.

– Не все так безоблачно, – промолвил король. – В последние годы ты мало общаешься с простыми людьми, предпочитая им общество придворных льстецов, поэтому витаешь в облаках.

– Все гладко быть не может, сам понимаешь, – сказала королева спокойно. – Думаю, ты слишком добр к своим многочисленным помощникам и министрам, а они злоупотребляют чересчур мягким к себе отношением.

– Это ты к чему? – удивился Ларнар.

– Львиную долю государственных вопросов можно решить, назначив на их выполнение хорошего управленца, – Эстер таинственно улыбнулась. – А если вдруг он по тем или иным причинам не справится с поставленной задачей – следует повесить его прилюдно. Именно так и никак иначе, мой

повелитель! Заточение в казематы здесь не сойдется. Поверь мне, Ларнар, следующий назначенец расшибется в лепешку, но высочайшее доверие оправдает и поставленную задачу выполнит.

Монарх понимал, что во многом Эстер права, однако обладая большим сердцем и сльвя вспыльчивым, но добрейшим по отношению к подданным правителем, не мог даже помыслить о столь драконовских мерах. Он высвободил плечо и повернулся на бок спиной к жене, давая понять о завершении ночного разговора. Вскоре монарх все же уснул и увидел жутковатый яркий сон, в котором восставшие из праха павшие воины королевства наводнили ночную площадь перед дворцом. Застигнутый врасплох, он вышел к ним, в чем был – длинной ночной рубахе и колпаке и тщетно силился осведомиться о цели визита страшных гостей. Погибшие в сражениях ратники напряженно молчали и с немим укором пристально взирали на верховного главнокомандующего. Их мраморные лица в факельном свете играли тенями, а спутанные грязные локоны трепетали на ветру, словно изодранные в ключья штандарты.

Следующим днем Ларнар тайно прискакал в лесной чертог темного мага Фараха, который жил отшельником и по слухам обладал недоступными обычному смертному способностями. Жрецы пантеона Богов предостерегали от любых контактов с одиноким чернокнижником, однако монарх пару раз обращался к нему для снятия жестоких приступов миг-

рени. А Фарах в свою очередь бесконечно уважал короля за запрет на преследование инаковерующих и насаждаемый им дух терпимости к немногочисленным белым воронам.

Подробная исповедь высочайшего гостя о своих метаниях, казалось, ввергла самого хозяина затерянного посреди чащи старого особняка в замешательство. Маг внимательно всматривался в линии на левой руке короля, потом пропадал в многочисленных комнатах, а появившись, окуривал пространство вокруг вжавшегося в скрипучее кресло Ларнара можжевельником. Наконец он прекратил суетиться и велел гостю выпить из деревянной чаши теплое горьковатое зелье.

– Вот что я скажу, ваше величество. У тебя могут возникнуть проблемы почище нынешних, – маг по-свойски расположился напротив властителя в таком же древнем кресле и обращался к нему на «ты». – Я ясно вижу затаившийся тяжелый недуг, ждущий того момента, когда ты совсем изведешься и ослабнешь. Поэтому заклинаю тебя забыть хотя бы на время о своих заботах и восстановить душевное равновесие. Лучше отстраниться на месяц-другой, временно передав бразды правления королеве Эстер, чем захворать, слечь и оставить народ без отцовского присмотра. Вот тогда уже определенно все в государстве пойдет на самотек.

– В народе и без того уже масса недовольных моим правлением, – с нотками отчаяния в голосе сказал Ларнар.

– У каждой болезни есть возбудители. Прикажи своей тайной страже выявить имена самых рьяных смутьянов и пере-

дай их мне. Я позабочусь о том, чтобы баламуты сами того не ведая оказались глубоко в душе твоими горячими почитателями и начали прилюдно каяться за свою крамолу, – молвил Фарах, поправляя рукав серой мантии.

– Вызванное колдовскими чарами народное уважение подобно фальшивой страсти хмельной женщины! Это не по мне! – воскликнул король, поднимаясь на ноги. – Прощай, Фарах! Благодарю за предостережение о приближающейся напасти и знай, что пока я на троне никто не посмеет тронуть тебя! – с этими словами он закрыл за собой дверь, отвязал коня и рысью поскакал к своему замку.

Однако ни вечером, ни ночью, ни следующим утром король в нем так и не появился. А дело было в том, что Ларнар, отчаявшись прийти к какому-либо решению, в расстроенных чувствах свернул на одному ему известную тропинку в Совином лесу, ведущую к заброшенной охотничьей хижине. Там он и поселился подобно одинокому изгнаннику, считая себя не вправе более быть вершителем судеб. По законам королевства в случае исчезновения монарха королева Эстер восходила на трон, и его такой расклад в целом устраивал. Кормясь дичью, кореньями, орехами и грибами, утоляя жажду из звонкого ручья, Ларнар с каждым днем все сильнее ощущал легкость в мыслях, душе и теле. Внимая веселому птичьему щебетанью, радуясь теплему утреннему лучу, вдыхая дым костра, разглаживая пальцами конскую гриву, он полностью забывал о тяжелой доле правителя, обязанно-

го следовать надуманным правилам и влачить на себе груз государственных дел. К наступлению сезона ветров Ларнар настолько свыкся с новой жизнью, что прошлая ему подчас казалась абсурдным сновидением.

В один из долгих вечеров он как обычно сидел невдалеке от своей хижины и помешивал палкой догорающие угли, как вдруг увидел своего сына принца Эоггея, появившегося из лесной тьмы в сопровождении верных рыцарей.

– Отец, отец! – вскричал он и бросился к Ларнару.

Они крепко обнялись и по их лицам покатались крупные, блестящие в лунном свете слезы. Вскоре добровольный отшельник узнал от принца, что взявшая бразды правления Эстер обрушила на нерадивых с ее точки зрения управленцев свой давно копившийся гнев. Простой же люд, который королева втайне презирала, обложили непосильными оброками и под страхом наказания шпицрутенами обязали сообщать о всяких проявлениях вольнодумства. Чуть ли не ежедневные казни на главных площадях городов стали обыденным делом, а дух свободы сменился нетерпимостью и всеобщей подозрительностью.

С самого дня исчезновения монарха Эоггей со своими верными рыцарями королевской гвардии бросился на поиски отца. Мрачной чередой шли безрадостные дни, но следов короля никто отыскать не мог. Принц уже отчаялся в своей надежде, пока не обратился за помощью к Фараху, который уверил наследника престола, что его отец жив и здоров как

никогда, а искать его следует в Совином лесу.

Из-за вестей о воцарившихся в королевстве порядках и страданиях его подданных сердце Ларнара штормовой волной накрыли противоречивые чувства ярости, гнева и жалости. Не мешкая более ни секунды, он приказал седлать коня и вскоре всадники во главе с отысканным монархом во весь опор помчались к столице сквозь ночную мглу.

При виде живого и невредимого короля его супруга Эстер, мгновение назад скрипевшая белоснежным гусиным пером по бумаге с именами приговоренных к повешению, задрожала вдруг крупной дрожью и, упав на колени, с причитаниями обняла ноги мужа. Охваченный негодованием Ларнар хотел было отшвырнуть Эстер, как смердящую собаку, но большое доброе сердце властителя удержало его от отчаянного поступка. В его сознании за секунду промелькнули трогательные сцены из их совместной, счастливой в общем-то жизни, которые окончательно убрали пелену с затуманенного яростью взора. Он повелел прислуге увести жену в свои покои и подготовить ее к отправке на Остров Покаяния с известным всему свету капищем Богини Судьбы у его северной оконечности.

Наутро в сердце престольного города по высочайшему призыву собралось людское море. Крестьяне, коробейники, аптекари, трактирщики, сборщики податей, копейщики, разбойники и прочий разношерстный народ, уже каким-то чудом прознавший о возвращении короля, ликованием при-

ветствовал появление Ларнара на балконе дворца. Радостный шум огромной толпы, приветствия, здравицы и хмельные возгласы заглушали торжественные звуки фанфар. Так и не дождавшись полной тишины, монарх огласил свой указ, отменяющий все распоряжения королевы Эстер, а также предписывающий заточить в башню особо рьяных карателей, доносчиков и палачей.

Собравшиеся люди, услышав королевское волеизъявление о возвращении к прежнему свободному и благополучному укладу, который многие по глупости не ценили, бросались на радостях в объятия друг друга, славя своего мудрого избавителя. Ларнар наблюдал с высоты за ликованием своих подданных и в свою очередь возносил хвалу Богам, подарившим ему при рождении большое доброе сердце, которое сберегло вольную жизнь в королевстве и мирное небо над крышами его домов.